

Окно

1

Илья Ильич Витюнин, собственно, и не заметил, как превратился из господина Витюнина в товарища Витюнина.

Он медленно, но упорно восходил по стержневой лестничке банковских счетов: сперва ему доверяли отщелкивать на стержне копейки и рубли – после он был допущен к сотням и тысячам – и наконец вошел в миллионы. Дальше над счетной рамой верхняя планка счетов, а над карьерой господина – товарища Витюнина низкий, высотой в дверцу собачьей конуры, выгиб кассового окошечка, а над окошечком пять вразумительных черных букв: КАССА.

Витюнин созерцал мир сквозь свое кассовое окошечко в течение двадцати девяти лет и четырех месяцев. До пенсии не хватало какой-то горсти недель. Но в глазах Витюнина, пересмотревших миллионы пятерок, десяток, трехрублевых желтых мельков, завелась желтая вода. Два-три просчета, затем – комиссия, затем – довременное освобождение с пенсией и премиальными.

Еще года за два до расставания с перещупом кредиток Витюнин записался в коопстрой. Коопстрой – в ответ на аккуратные взносы – предоставил ему комнату на седьмом этаже нового, в мокрой белой известке коопдома.

Пенсионер переехал на свое доживальное жилище.

2

В начале мысли Витюнина были заняты заполнением стен и кубатуры жилья. Стены удалось задобрить географическими картами, приобретенными на Кузнецком, и двумя-тремя ахровскими полихромками. Кубатура была жаднее: пришлось месячную полупенсию ухлопать на кровать, скрипящую, как совесть.

Но все это мало раздражало экс-кассира Витюнина. Единственное, что топорило против шерсти его нервы – окно. Широкое шестифрамужное итальянское окно. Он привык – тридцать лет кряду – жить под узким и низким кассооконцевым вздутьем, а тут вдруг широко разведший углы стеклянный пруд окна, впускающий беспорядок солнечных лучей.

Весь день Витюнин проводил, стараясь повернуть окну спину. Глаза его искали теней и тупоуглия. Ночью его беспокоили странные лунные сны. Ему снилось, будто сквозь него, точно сквозь пальцы, просучивают синие лунные нити. Он просыпался от безощущения своего тела и видел за прозрачной пленкой широкого окна либо лунные вливы, либо лунно-синие лучи уличных фонарей. Окно ворочало его с боку на бок, будило ранее пробуждения дня, а днем не давало отдыха и рассредоточивало мысль.

3

Витюнин посоветовался с тридцатью годами кассо-оконцевой жизни, и годы ему нашептали совет. Витюнин позвал стекольщика и столяра. Рабочие, выслушав заказ, почесали правыми пальцами в макушках и попросили на водку. Заказчик дал. После этого работа показалась менее странной ее исполнителям, и они ушли с добродушным: "Ну, что ж".

Через трое суток на место выставленной итальянской рамы было вставлено – под пристук молотков и топоров – новое, несколько необычно окнообразное нечто. Вся верхняя часть оконной плоскости была затянута расфрамуженным диктом; только внизу, у подоконничьего ската, выгибалось маленькое оконце под застекленной створой; над оконцем снаружи четкой чернью проступали буквы: КАССА, изнутри же, готовая опуститься по первому движению пальца, желтела закассовая досочка.

Рабочие направили раму, получили чаевые и ушли. Это была первая ночь, когда кассир спал неразрывным сном. К утру он встал – за час до служебного срока – попил чайку, оделся в такое, чтоб перед людьми не стыдно, и ровно в 9.15 приоткрыл желтую заслонку оконца. Утренние дождевые капли весело стучали в кассовое стекло. Воробьи чирикали, гомонясь на жести подоконника. Кассир, благодушно щуря веки, ждал, привычно глуша ладонью привычную утреннюю зевоту, очередного вкладчика или получателя.

И с этого утра дни его вправились в дни, как вывихнутые вертлуги в костяные чашки.

4